

Цзя Лун следовал за Чу Цзюинем без лишней свиты — вдвоем они направились к задним склонам гор.

Стояла осень, но увядание не коснулось этих мест. Напротив, пейзаж за спиной поместья Сяньюань не уступал весеннему: вдаль громоздились изумрудные пики, а чистая вода в низинах блестела, словно зеркало. Казалось, путники брели по бесконечной галерее искусного мастера.

Чу Цзюинь не позволил Цзя Луну предупреждать управляющих, и они шли неспешно, то и дело останавливаясь. Чу Цзюинь заметил дикий термальный источник на одной из отвесных круч. Плотный пар окутывал скалы, а вода, низвергаясь вниз, с рокотом наполняла небольшое озерцо у подножия.

Молодой господин Чу сорвал какой-то плод, небрежно вытер его о край одежды и, едва откусив, прищурился, издав короткое хмыканье.

Цзя Лун, решив, что фрукт не созрел, потянулся было, чтобы забрать его:

— Неужто кислый попался? Не ешьте, господин, выплюньте скорее!

Чу Цзюинь лишь качнул головой:

— Хрустящий и сочный. Сладкий, как мед.

Несмотря на осень, почва здесь была благодатной. Чу Цзюинь окинул взором горы: зелень стояла густая, пышная, а сам дух этих мест изменился, наполнившись жизнью.

— Новый управляющий задними горами неплох, — заметил он. — Плодовые деревья, цветы, птица и скот — всё в идеальном порядке. Это куда лучше, чем было при Юань Сунване.

— После того как недавно случилась та заваруха, все стали бдительнее, — отозвался Цзя Лун.

— Теперь никто не смеет халатно относиться к своим обязанностям. И хотя новый надсмотрщик суров, в долгосрочной перспективе это лишь на пользу.

Они разговорились, и Чу Цзюинь вдруг спросил:

— Слушай, у меня и впрямь такой скверный характер? Почему слуги при виде меня дрожат так, будто лихорадку подхватили?

Цзя Лун лишь погладил свою сизую бороду и усмехнулся, благоразумно промолчав.

«У вас, господин, то ясно, то гроза — кто же такое выдержит?» — подумал он, но вслух не произнес ни слова.

Впрочем, сам Цзя Лун, как главный управляющий, справлялся неплохо. Жизнь в саду шла своим чередом, и ладно.

«Если по большому счету, Господин не так уж плох. Лишний раз в дела не лезет, хлопот от него немного, да и на вознаграждения щедр — это тоже надо ценить», — рассуждал старик. Это он понимал отчетливо, даже если другие были слепы.

— Эй, глянь-ка, это кто там? — Чу Цзюинь указал рукой вперед.

Цзя Лун, чьи глаза уже не отличались зоркостью, прищурился:

— Не разберу... Но точно какая-то тень промелькнула.

Чу Цзюинь хлопнул в ладони и выругался:

— Слепошарый! Ты только посмотри, как он крадется. Десять к одному — это тот проклятый выродок.

Цзя Лун в душе охнул: «Беда». Руководствуясь своим вечным правилом — заминать любые ссоры, — он решил сам пойти и поймать нарушителя.

Однако Чу Цзюинь резко осадил его, велел ждать на месте. Он заявил, что этот мальчишка слишком складно врет и давно мозолит ему глаза, так что сегодня он непременно поймает его на горячем и проучит как следует.

Чу Цзюинь предвкушающе хрустнул костяшками пальцев и, обратившись черным вихрем, исчез.

Цзя Луну ничего не оставалось, кроме как стоять под сенью деревьев. Сложив ладони, он принялся истово нашептывать какие-то молитвы.

В укромном гроте у озерца клубился пар, колышимый горным ветром. В маленькой хижине из соломы тоже было душно от термальных испарений; воздух там пропитался чистым ароматом лесных трав и влажной коры.

Янь Цзызюнь вошел, неся деревянный тазик, в котором лежали сменная одежда, полотенца и мыльные бобы. Он и не подозревал, что опасность уже дышит ему в затылок.

Прежде чем войти, он тщательно огляделся и, убедившись, что поблизости ни души, юркнул в домик.

На самом деле здесь была обустроена купальня. О ней знали немногие — еще во времена Юань Сунвана здесь обнаружили горячий источник. Управляющий велел соорудить желоба из бамбука, скрепив их тонкими щепами, и подвел воду к хижине.

Место было скрыто от глаз, и обычно сюда заглядывали лишь несколько приближенных. К огромному облегчению Цзызюня, внутри было пусто. Настроение его мгновенно улучшилось; заперев дверь на засов, он начал раздеваться, напевая под нос нехитрую мелодию.

Вскоре на нем не осталось и нитки. В горах было прохладно, и, зябко поежившись, он поспешил под струю воды. Горячий поток ударил по плечам, приятно расслабляя мышцы. Поры кожи раскрылись, а сама она стала мягкой от пара.

Белоснежная кожа Цзызюня порозовела, мокрые иссиня-черные пряди прилипли к спине. Он убрал со лба влажные волосы и облегченно выдохнул, наслаждаясь моментом.

Половину дня он возился в своем дворике — грязь, пот, пыль. Сначала думал нагреть воды в доме, но лень было таскать тяжелые ведра, и он вспомнил об этом чудесном уголке.

Тишина и тепло расслабляли. Цзызюнь не спешил, тщательно оттирая кожу и наслаждаясь тишиной. С тех пор как он попал в поместье Сяньюань, прошло больше полугода. Тяжелый труд не пугал его, но вечный страх перед непредсказуемой яростью Чу Цзюиня душил. И сейчас, едва ли не впервые, он чувствовал себя свободным.

Он не знал, что в этот самый миг кто-то, затаив дыхание под окном, жадно наблюдает за ним.

«Надо же, какой любитель роскоши!» — Чу Цзюинь замер, скрыв даже звук собственного сердца. Чем дольше он подсматривал, тем сильнее в нем закипал гнев.

«Разве я не приказал Цзя Луну кормить его похуже и не давать приличной одежды? Ему велено вкалывать до седьмого пота! Откуда тогда эта белизна, эта нежная кожа? А это что там висит в углу?» — Взгляд Чу Цзюиня упал на халат цвета «небесной бирюзы». Добротная ткань, отличный крой. С какой стати этот оборванец носит такие вещи?!

«Я сослал его на каторгу, а он устроился здесь как господин!»

Чу Цзюинь скрежетал зубами от злости. Но, глядя на это тело, похожее на изваяние из тончайшего белого нефрита, он вдруг почувствовал странную слабость. В ногах появилась

легкость, на лбу выступила испарина. Он поспешно сплюнул в сторону, списав всё на ядовитую пыльцу того демона-бабочки, которую он вдохнул недавно.

Решив покончить с этим, он сложил пальцы левой руки в магическом жесте. Пурпурная искра сорвалась с ногтя; где-то в лесу бамбуковый желоб с треском лопнул, и струя горячей воды в купальне начала слабеть, пока не иссякла совсем.

«Ха-ха-ха!»

Чу Цзюинь уже представлял, как изорвет в клочья этот нарядный халат. Посмотрим, как этот наглец будет выбираться отсюда с голым задом, когда обнаружит, что ему не во что одеться!

Но не успел он насладиться местью, как засов на двери отошел сам собой. Белая тень скользнула внутрь и бесшумно пристроилась за спиной Цзызюня.

«Что здесь делает этот старый монстр?!»

Увидев Чжу Тяньгана, Чу Цзюинь не решился продолжать колдовство и затаился.

Янь Цзызюнь уже потянулся к тазику, чтобы смыть воду с лица, когда услышал за спиной шорох. Он мгновенно схватил полотенце, прикрывая наготу.

Он ожидал увидеть кого-то из слуг, но перед ним стоял Чжу Тяньган! Сердце Цзызюня бешено заколотилось, он невольно отступил на шаг.

Шестиглазый хелицерный паук, глядя на объект своих желаний в таком виде, густо покраснел. В его глазах блеснул нездоровый огонь. Забыв о всяких приличиях, он впился взглядом в юношу.

— Завтра я уезжаю, — глухо произнес Чжу Тяньган. — Ты несносен, но я никак не могу выбросить тебя из головы. Хотел зайти попрощаться, увидел, как ты уходишь в горы, и пошел следом.

Он шагнул ближе, упираясь руками в плечи Цзызюня и не давая тому уйти. Его взгляд, тяжелый и прямой, казалось, прожигал насквозь.

Мокрые волосы облепили лицо Цзызюня, подчеркивая белизну его кожи. Капли воды дрожали на длинных ресницах, губы пламенели на бледном лице. Прохладный пар обволакивал его плечи — он выглядел соблазнительно.

Чжу Тяньган коснулся пальцами пряди его волос и усмехнулся:

— Ты сам заманил меня сюда. Так что не вини, что я напугал тебя.

С этими словами он склонился, едва касаясь губами кончика носа Цзызюня, его щек и подбородка. Черета легких поцелуев вела к губам; одновременно его пальцы начали медленно, но уверенно тянуть край полотенца, намереваясь обнажить юношу.

Цзызюнь почувствовал, как по коже пробежал мороз. В голове билась одна мысль — как спастись. Неожиданно для самого себя он выпалил:

— У меня есть то же, что и у тебя. На что тут смотреть?

Чжу Тяньган замер, легонько щелкнув его по носу:

— Вообще нет. Твое тело — как чистый снег, для меня оно — величайшая радость. Я хочу видеть его! А будь на твоём месте кто-то другой — ну, скажем, такой мужлан, как Чу Цзюинь, — я бы и взгляда не удостоил. Только глаза портить.

Цзызюнь оказался зажат в железных объятиях. Он боялся разозлить паука, а потому лишь слабо сопротивлялся, понимая, что силой ему не вырваться.

«Нужно упомянуть Господина. Это единственный шанс».

— Отпустите меня, умоляю! — прошептал он, стараясь выглядеть как можно более жалко. — Я пробрался сюда тайком. Если Господин узнает, что мы здесь вдвоем, он меня со свету сживет!

Чжу Тяньган немного ослабил хватку, но в его голосе зазвучало раздражение:

— Мой младший брат — сухарь, помешанный на культивации. Он терпеть не может чужой любви, называет это пустой тратой времени и держит своих людей в ежовых рукавицах. Ему, верно, только тогда и спокойно, когда вокруг одни монахи.

Тяньган и так был зол на Чу Цзюиня, и упоминание о брате мгновенно пробудило в нём старую подозрительность. Он резко спросил, глядя в глаза Цзызюню:

— А ну, признавайся! Ты ведь сговорился с моим братом? Это вы вдвоем устроили тот спектакль, чтобы выманить мою драгоценную жемчужину, которую я только-только выковал?

Цзызюнь едва не вскрикнул от несправедливости. Он тихо сидел в своём углу, пока Цзя Лун не притащил его в Цзюсянь-ге! Откуда ему знать, какие интриги плетут эти двое?

Как оправдаться? Сказать правду? Огрызнуться? Свалить вину на Чу?

В голове Цзыюня царил хаос, мысли путались, но времени на раздумья не было. Нужно было немедленно найти слова, которые убедят этого безумца и не подставят его самого под удар.

Он поднял голову и открыто, с выражением кристальной честности, посмотрел в глаза Тяньгану:

— Управляющий Цзя привел меня туда внезапно. Я и понятия не имел, что происходит в Цзюсянь-ге.

Он сделал паузу и продолжил:

— Я давно в немилости у Господина, он меня на дух не выносит. Когда он увидел, что я вам приглянулся, он наверняка только обрадовался. Отдать меня вам — значит избавиться от занозы в глазу, да еще и получить за это артефакт. Разве это не выгодная сделка? Он только и ждал, когда вы меня заберете.

В купальне становилось холодно. Без горячей воды Цзыюнь начал дрожать, с мокрых волос на плечи падали холодные капли. Он выглядел воплощением беззащитности.

Сердце Чжу Тяньгана дрогнуло. Он сорвал с себя верхний халат и набросил на плечи юноши. Голос его потеплел:

— Цзыюнь, скажи мне правду... Я ведь искренне звал тебя с собой. Почему в последний момент ты отказался?

Цзыюнь опустил глаза, плечи его мелко задрожали:

— Вы не знаете... у нас с Господином вражда, тянущаяся из прошлых жизней. Если бы не ваша доброта, меня бы, может, и в живых уже не было. Сейчас Господин получил сокровище и доволен. Но где гарантия, что завтра он не передумает? Что, если он решит, будто мне живется слишком сладко, и потребует меня обратно? Вы отдадите меня или нет?

Этот довод показался Чжу Тяньгану неоспоримым.

Чу Цзюинь — человек настроения. Сегодня одно, завтра другое; он хитер, изворотлив и никогда не упустит своей выгоды. Сейчас он жаждет силы, но завтра может запросто явиться в Линьянь-фу и потребовать возвращения долга просто из вредности.

Подозрения Тяньгана растаяли без следа. Он вспомнил, как Чу Цзюинь при нем помыкал этим юношей, как грубо обходился. Такой кроткий и бесхитростный ребенок, как Цзыюнь, просто

не мог участвовать в заговоре этого старого лиса.

«Наверняка Чу его запугал! Бедное дитя просто стало орудием в его руках!»

Чжу Тяньган окончательно убедил себя в этой версии. Глядя на Цзызюня, он почувствовал прилив нежности и жалости. Он прижал юношу к себе и, обхватив его лицо ладонями, жадно впился в его губы.

Цзызюнь зажмурился, пряча отвращение и ужас. Он изо всех сил сжимал край чужого халата, терпя этот поцелуй.

Тяньган целовал его исступленно, с какой-то лихорадочной страстью. Он ворвался языком в рот юноши, терзая его плоть, словно хотел выпить его досуха. Поцелуй длился, пока у самого Тяньгана не поплыло перед глазами. Только тогда он неохотно отстранился.

Взяв руки Цзызюня в свои, Чжу Тяньган произнес серьезно:

— Прости меня... Я был дураком, раз сомневался в тебе. Теперь мне плевать, что подумает Чу Цзюинь! Сегодня ты ночуешь в моих покоях, а завтра я заберу тебя отсюда. И пусть только кто-нибудь попробует мне помешать!

Цзызюнь почувствовал, что его силы на исходе. Услышав это, он едва не рухнул на колени — ноги стали ватными.

Чжу Тяньган подхватил его за талию:

— Не надо... Ты такой чуткий, такой покорный — сердце кровью обливается. Я за эти дни... я и впрямь полюбил тебя! Не смей склоняться передо мной. Ради тебя я готов на любой риск!

Пока они разыгрывали эту сцену нежности, Чу Цзюинь, наблюдавший за ними из тени, едва не взорвался от бешенства.

«Две твари!оборотни проклятые, оба предатели!»

«Смеете миловаться у меня под носом? Считаете, я уже покойник?!»

«А этот бесстыдник? Стоит голый, совращает моего брата, да еще и смеет мешать меня с грязью?! Клянусь, если я не забью тебя до смерти, можешь считать меня своим внуком!»

На кончике его пальца вспыхнуло фиолетовое пламя. Он с силой щелкнул в сторону крыши. Раздался оглушительный треск — мощная несущая балка в мгновение ока превратилась в

труху. С грохотом, поднявшим тучу пыли, половина кровли купальни рухнула вниз.

Тяньган и Цзызюнь вздрогнули. Цзызюнь, не теряя ни секунды, изо всех сил оттолкнул от себя паука и воскликнул со слезами в голосе:

— Господин, бегите! Скорее! Если нас увидят — это конец!

Тяньган, хоть и не боялся брата, понимал, что драться здесь не с руки. Он отступил к выходу, но внезапно рванулся обратно, последний раз сжал Цзызюня в объятиях:

— Чу Цзюинь мне не указ! Но ты прав, сейчас не время... Потерпи немного, радость моя, я обязательно вернусь за тобой!

Он еще раз коснулся руки юноши и, наконец, скрылся в темноте.

Как только Тяньган ушел, Цзызюнь почувствовал, как воля покинула его. Он просто сполз на землю, не в силах даже дышать. Отворачиваясь, он с остервенением вытирал рот рукавом, задыхаясь от унижения и гнева.

Сердце еще не успело успокоиться, как он почувствовал, что из теней повеяло могильным холодом. Не успел он обернуться, как чья-то мощная, тяжелая рука стальными тисками обхватила его за грудь.

«Конец», — мелькнуло в голове. Захват был таким сильным, что ребра затрещали, а воздух перестал поступать в легкие. Развернуться было невозможно, но по тому дикому, почти животному холоду, что исходил от нападавшего, он понял — это не Тяньган.

Цзызюнь в отчаянии зажмурился, ожидая удара или чего-то похуже.

Но нападавший не бил. Он прильнул к нему со спины, прижавшись горячим лицом к шее. Раздалось тяжелое, яростное сопение, похожее на рык зверя. Опаляющее дыхание обжигало чувствительную кожу за ухом.

Цзызюнь решил, что в горах объявился новый демон-людоед. Его тело забилося в конвульсиях от ужаса. Но чудовище не спешило его пожирать — оно лишь стискивало его в объятиях, то кусая, то яростно терзая зубами его плечи и шею.

Рыдания вырвались из груди юноши. В этот момент резкая, острая боль пронзила его затылок. Страх и мучение стали невыносимыми — сознание Янь Цзызюня померкло, и он провалился в тяжелое забытие.

<http://bllate.org/book/17484/1694792>